

ЮРИЙ АНДУГАНОВ (Йошкар-Ола)

ОБ УСТОЙЧИВОСТИ МИКРОСТРУКТУРЫ ЯЗЫКА-РЕЦЕПТОРА

Вопрос о контактировании финно-угорских языков с языками неродственных народов интересует лингвистов с давних времен (например, Сало 1966 : 13). Особенно много интересных работ о контактировании языков появилось в последние десятилетия. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют хотя бы труды, опубликованные в СФУ (Alvre 1975 : 235—241; Ariste 1965 : 21—25, 1965a : 69—70, 1968 : 81—84, 1969 : 167—169, 1969a : 245—254, 1975 : 4—20, 1977 : 7—11; Галкин 1977 : 107—110; Иванов 1969 : 105—114; Исанбаев 1978 : 172—177, 1979 : 76—83; Майтинская 1978 : 81—85; Мустаев 1974 : 31—39; Серебренников 1971 : 187—192; Туркин 1974 : 7—9 и др.). Рост интереса к данной проблеме вызван, конечно, не случайностью, а стремлением выявить сущность этого очень распространенного и сложного социолингвистического явления. Примечательно, что наблюдение за процессом взаимодействия языков позволяет установить и специфические черты структуры и микроструктуры языка-рецептора. В предлагаемой статье обращается внимание на одно явление, наблюдаемое в области русско-марийских языковых контактов и позволяющее констатировать устойчивость микроструктуры в условиях взаимодействия неродственных языков.

Прежде всего необходимо напомнить, что контакты марийского и русского языков не были односторонними. И. Г. Иванов отмечает, что до Октябрьской революции заимствование в русский язык происходило через устное общение и главным образом в процессе обрусения марийцев. «Поэтому марийские слова больше всего встречаются именно там, где переход на русский язык был наиболее активным — на территории современных Кировской и Горьковской областей. После революции этот процесс принимает несколько иное направление. С одной стороны, с развитием культуры, литературы и искусства марийского народа влияние марийского языка усиливается. Оно происходит главным образом через посредство письменной речи, литературы. Но с другой стороны, в период нивелирования национальных различий в нашей стране чувствуется заметная тенденция к перениманию русского языка как средства межнационального общения. С этой точки зрения, влияние марийского языка, можно сказать, идет на убыль. Решающую роль в этом процессе играет широкое распространение русского литературного языка среди всего населения» (Иванов 1969 : 113).

В настоящее время, т. е. в период активного двуязычия мари, словарный фонд марийского языка интенсивно изменяется за счет заимствованных из русского языка лексем. Что интересно, этот процесс накладывает все более осязаемый отпечаток и на литературную норму

языка-рецептора. Особенно заметно это в лексике заимствующего языка (ср. Мустаев 1974 : 31—39; Патрушев 1954 : 23—39). Что же касается словообразования, то здесь картина несколько иная. В целом, можно сказать, суффиксы из русского языка проникают вместе с заимствованными словами. Из русского языка или через посредство его в марийский язык вошли только суффиксы существительных и прилагательных: *-ук*, *-уш*, *-ишка*, ни один из которых не стал в современном марийском языке продуктивным (Галкин 1966 : 160). Вместе с тем анализ 88 словообразовательных суффиксов марийского языка, произведенный И. С. Галкиным, показал, что по происхождению тюркским является 21 суффикс, т. е. их значительно (в 7 раз) больше, чем русских суффиксальных заимствований (Там же). Небезынтересно также, что суффиксы-тюркизмы в отдельных случаях способны даже конкурировать с собственно-марийскими суффиксами (ср. также Исанбаев 1978, 1979). Подобные факты еще раз убеждают нас в том, что степень проницаемости структуры одного языка в систему другого находится в прямой зависимости от разницы контактирующих языков на структурно-типологическом уровне.

Несмотря на то что русский язык влияет на марийский начиная с прошлых столетий и как язык межнационального общения в СССР в наше время оказывает особенно большое влияние на другие языки страны, он все-таки не смог заметно изменить систему такого типа словообразования, как словосложение. Правда, необходимо отметить, что не без участия русского языка появились в марийском отдельные определительные сложные существительные.

В лексическом фонде марийского языка определительные сложные существительные, образованные под влиянием русского языка, имеют небольшой удельный вес. Причем почти все они образованы одинаковым способом — путем калькирования одной из частей русских композит: *йошкармеец* 'красногвардеец' (< *йошкар* 'красный' + *гвардеец*), *радиоувертыш* 'радиовещание' (< *радио* + *увертыш* 'вещание'). Как показывают примеры, тематическое сложение, характерное для русского языка и чуждое системе образования сложных слов в марийском языке, при заимствовании теряет свой тематический элемент, таким образом в подобных случаях мы имеем дело с влиянием только на семантическом уровне, на тип же словосложения русский язык в данном случае не влияет.

Если же в составе русской композиты имеется усеченная основа, в силу немногосложности и прозрачности семантики такой части, а также невозможности ее пздежного изменения перед определяемым словом в марийском языке, она заимствуется в том же виде, какой имеет в языке-источнике: *политпашаен* 'политработник' (< *полит* + *пашаен* 'работник'), *медшйжар* 'медсестра' (< *мед* + *шйжар* 'младшая сестра').

Через посредство русского языка заимствуются марийским такие международные элементы, как *фото-*, *теле-*, *радио-*, *электро-*, *авто-*: *фотосйрет* (Мичурин-Азмекей 1972 : 126) 'фотокарточка', *телесерга* («Марий коммуна» 1.2.1970) 'телеантенна', *телевизор* (Там же) 'телевизор', *радиомут* (Шкетан 1933 : 160) 'радиослово', *электротул* (Мурзашев 1974 : 45) 'электрический огонь', *электровакш* (Мичурин-Азмекей 1972 : 105) 'электромельница', *электрокогга* (Мурзашев 1974 : 46) 'электропечь', *автокорно* (Орай 1951 : 26) 'автомобильная дорога'.

В остальных случаях влияние русского языка на марийское словосложение, основанное на началах определительного отношения между компонентами, не отмечается. Может возникнуть вопрос: чем именно объясняется в подобных случаях неспособность модели русского языка

проникнуть в систему марийского словосложения. Причиной этого, конечно же, служат особенности природы микроструктуры «определение — определяемое» в марийском языке. В качестве таких особенностей выступают грамматические и семантический законы, действующие в марийском языке, которые сами свидетельствуют о большой способности языка к обогащению за счет собственных моделей образования сложных слов и отсутствии необходимости в заимствовании чужезычных моделей при этом: а) обязательная препозиция определения по отношению к определяемой части, б) склонение в определительных конструкциях только определяемых компонентов, в) составление ими предельного минимума предложения (подробнее об этом см. Андуганов 1977).

Таким образом, описанное явление убеждает, что в силу наличия больших расхождений в структуре неродственных языков русский, хотя и обладает рядом преимуществ в плане влияния на языки малых народов, не всегда способен стать источником для заимствования; примером тому является выпадение тематического элемента при частичном заимствовании русской композиты марийским языком, в результате чего сохраняется собственно марийская модель словосложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андуганов Ю. В. 1977, Сложные слова в марийском языке (определятельные сложные существительные). Автореф. канд. дисс., Тарту.
- Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология II, Йошкар-Ола.
- 1977, Некоторые вопросы контактирования языков. — СФУ XIII, 107—110.
- Иванов И. Г. 1969, Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края. — СФУ V, 105—114.
- Исанбаев Н. И. 1978, Влияние марийского языка на падежную систему восточно-марийских говоров. — СФУ XIV, 172—177.
- 1979, Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствованных существительных в марийском языке. — СФУ XV, 76—83.
- Майтинская К. Е. 1978, Участие заимствованных элементов в развитии форм степеней сравнения в финно-угорских языках. — СФУ XIV, 81—85.
- Мичурин-Азмекей, 1972, Россон чодраште, Йошкар-Ола.
- Мурзаев А. 1974, Мланде пуш, Йошкар-Ола.
- Мустаев Е. Н. 1974, О заимствовании и образовании синонимов в марийском языке. — СФУ X, 31—39.
- Орай Д. 1951, Онар калык, Йошкар-Ола.
- Патрушев Г. С. 1954, Пути обогащения словарного состава марийского языка. — Ученые записки МарНИИ 6, Йошкар-Ола, 23—39.
- Сало И. В. 1966, О некоторых прибалтийско-финских и саамских заимствованиях в русских говорах поморов Карелии. — СФУ II, 13—18.
- Серебренников Б. А. 1971, Об одном тюркизме в финно-угорских языках Волго-Камья. — СФУ VII, 187—192.
- Туркин А. 1974, О прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах. — СФУ X, 7—9.
- Alvge, P. 1975, Über eine Neubildung in den finnisch-ugrischen Sprachen (auf dem Hintergrunde der pronominalen Typologie). — СФУ XI, 235—241.
- Ariste, P. 1965, A Case of Language Contact in the East Baltic Area. — СФУ I, 21—25.
- 1965a, Ein Ostseefinnisches Wort im Rumänischen. — СФУ I, 69—70.
- 1968, A Case of Language Shift. — СФУ IV, 81—84.
- 1969, Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern. — СФУ V, 167—169.
- 1969a, Etwas über den Kontakt zwischen dem Wotischen und dem Schwedischen. — СФУ V, 245—254.
- 1975, Das russische Modell für die Funktionen wotischer Postpositionen. — СФУ XI, 4—20.
- 1977, Estonian and Karelian (Izhorian) Language Contacts. — СФУ XIII, 7—11.

ÜBER DIE STABILITÄT DER MIKROSTRUKTUR IN DER REZEPTOR-SPRACHE

Der Autor erörtert die Frage der Stabilität der Mikrostruktur unter den Bedingungen der Wechselwirkung nichtverwandter Sprachen am Beispiel einer der Erscheinungen im Gebiet der russisch-marischen Sprachkontakte. Nur in beschränktem Maße ist ein Einfluß der russischen Sprache auf marische Komposita zu bemerken. Im System der Wortbildung beschränkt sich dieser in erster Linie auf das semantische Niveau. Das läßt sich durch einige Besonderheiten der Mikrostruktur «Attribut — Beziehungswort» in der marischen Sprache erklären, z. B. 1) das Attribut wird unbedingt dem zu bestimmenden Teil vorangestellt, 2) in Attributkonstruktionen wird nur der zu bestimmende Teil dekliniert.